

Елена Невзорова-Кмеч (Elena Nevzorova-Kmecz)

 <https://orcid.org/0000-0002-4032-1533>

*Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
ul. Pomorska 171/173
91-404 Łódź
elena.nevzorova@uni.lodz.pl*

**О некоторых фразеологизмах польского и русского
преступного жаргона с компонентом-анимализмом:
материалы к словарю**

**About Some Phraseological Units of the Polish and Russian
Criminal Jargon with an Animalism Component:
Dictionary Materials**

Резюме

В настоящей статье рассматривается одна из составляющих преступного жаргона – анималистическая фразеология. По утверждению М.А. Грачева, удельный вес таких единиц намного выше, чем в других системах. Для доказательства данного утверждения был собран материал из словарей польского и русского жаргона. Количество анималистических фразеологических единиц в преступном жаргоне по сравнению с литературным и разговорным языком невелико, что обуславливается спецификой рассматриваемого подъязыка.

Цель исследования – подготовка материала для словаря польско-русского жаргона. Для этого была поставлена задача произвести выборку анималистических фразеологизмов польского и русского преступных жаргонов из польских и русских словарей арг (жаргона), провести сравнение, выявить общие черты и различия, сделать попытку их объяснения.

На основе произведенного анализа было выявлено, что в компонентный состав входят следующие анимализмы: домашние млекопитающие, домашние птицы, дикие млекопитающие дикие птицы. За рамками статьи остались рыбы, пресмыкающиеся, ракообразные, насекомые, моллюски, пауки, черви.

Анималистические фразеологизмы преступного жаргона входят в следующие семантические группы: 1) названия преступников по специфике совершаемых преступлений; 2) названия представителей правоохранительных органов и стражей порядка; 3) объекты

Received: 26.01.2022. Verified: 04.04.2022. Accepted: 03.10.2022.

© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

преступлений, наживы, жертвы преступлений; 4) виды преступлений и способ их совершения; 5) жизнь и быт на свободе и в местах заключения; 6) названия мест ссылки и заключения, мера наказания; 7) поведение человека, состояние; 8) сигналы, предупреждения.

Сравнительный анализ польских и русских единиц выявил сходства и различия.

Дальнейшие исследования в данной области могут служить дополнением к польско-русскому словарю жаргона, а также материалом для этимологических исследований в области субстандарта.

Ключевые слова: анималистическая фразеология, преступный жаргон, жаргонная двуязычная лексикография, польский и русский языки.

Summary

This article discusses one of the components of the criminal jargon – animalistic phraseology, i.e. phrases that include animalism. According to M.A. Grachev, the proportion of such units is much higher than in other systems. To prove this statement, we have collected material from the Polish-Russian dictionaries of jargon. The number of animalistic phraseological units in the criminal jargon is small compared to the literary and colloquial language, which is due to the specificity of the sublanguage under consideration.

The purpose of the description is to prepare material for the Polish-Russian dictionary of jargon. To do this, we made a selection of animalistic phraseological units of the Polish and Russian criminal jargon from Polish and Russian dictionaries of slang (jargon), made a comparison, identified common features and differences, and made an attempt to explain them. Based on the analysis, it was revealed that the component composition includes the following animalisms: domestic mammals, poultry, wild mammals, wild birds. The following remained outside the scope of the article: fish, amphibians, reptiles, crustaceans, insects, molluscs, worms.

Animalistic phraseological units of criminal jargon are included in the following semantic groups: 1) the names of criminals according to the specifics of the crimes committed; 2) the names of representatives of law enforcement agencies and law enforcement officers; 3) the objects of crimes, profit; victims of crimes; 4) types of crimes and the way they were committed; 5) life and life in freedom and in places of detention; 6) names of places of exile and imprisonment, punishment; 7) human behaviour, condition; 8) signals, warnings. A comparative analysis of Polish and Russian units revealed similarities and differences.

Further research in this area will serve as an addition to the Polish-Russian jargon dictionary and may also serve as material for etymological research in the field of substandard.

Keywords: animalistic phraseology, criminal jargon, slang bilingual lexicography, Polish and Russian.

Язык криминального мира, или криминальный подъязык, уже более века привлекает внимание ученых как в историко-культурном, социальном, так и собственно лингвистическом плане. Одной из задач, стоящей перед лингвистами-жаргонологами, является сравнительно-сопоставительное описание польского и русского субстандарта и составление польско-русского и русско-польского словаря жаргона. В настоящей работе мы попытаемся

сделать шаг на пути к достижению поставленной цели и рассмотрим одну из главных составляющих жаргона¹ – анималистическую фразеологию языка представителей преступного мира.

Освещение проблематики, связанной с культурной оппозицией *человек – животное*, рассматриваемой на материале разных языков и с использованием различных подходов, нашло место во многих научных трудах. Вокруг лексико-фразеологических вопросов концентрируются работы Я. Анусевича, С. Скорупки, М. Пайсерт, Я. Скавиньского, В. Высочаньского, А. Новаковской, А. Домбровской, Е. Бартминьского, М. Рака, И. Шершунович, К. Моселек-Клосиньской, Е. Гурбиша, Я. Пацулы, К. М. Гюлюмянц, В.В. Морковкина, О.А. Рыжкиной, Н.Ф. Зайценко, Н.Д. Арутюновой, Ф.Ф. Фартхутдиновой, В.М. Мокиенко, Е.Р. Малафеева, В.В. Телии, Е.К. Николаевой и многих других. Изучением в сравнительном аспекте польских и русских лексико-фразеологических единиц с анималистическим компонентом занимались Х. Бартвицка, А. Чапига, М. Журек, Е. Гурбиш, К.М. Гулюмянц, В. Высочаньский, А. Спагиньска-Прушак и др.

Широкого освещения в трудах лингвистов не нашла проблема сопоставления анимализмов² в польском и русском жаргоне, хотя это одна из его

¹ Термин *криминальный подъязык* считаем, вслед за В.В. Химиком, условным. Он может кратко обозначать лексико-фразеологическую подсистему, специфический тезаурус общеуголовного жаргона, тюремно-лагерного жаргона, «профессионального» жаргона (Химик, 2000, 19–20; ср. также: Milewski, 1971, 91). По типологии В.Д. Бондалетова к нему могут быть причислены условные и тайные аргы, а также воровской жаргон (речь деклассированных элементов) (Бондалетов, 1987, 4–5). В качестве синонимичных к приведенному выше термину используем такие словосочетания, как: *уголовное (-ый) /преступное (-ый) /воровское (-ой) аргы/ жаргон* (см.: Химик, 2000, 19–20; Мокиенко, Никитина, 2000, 7).

² В научной литературе отмечается разноречивость в отношении терминологического оформления формаций, определяющих составные элементы мира животных. Опираясь на классификацию М. Рака (Rak, 2007, 13), можно выделить следующие тенденции в русско- и польскоязычном научном дискурсе: 1) использование единиц с греческой приставкой *зоо-*: зооним, зоолексема, зоометафора, зооним-метафора, зоонимосодержащая лексема, зоосемизм, зооморфизм, антропонимы зоонимического типа, зоонимный компонент, компонент-зооним, зоокомпонент, зоофразеологизм, зоохарактеристика, *zoonim, leksema zoosemantyczna, zomorfizm, frazeologia zoonimiczna, frazeologia zoomorficzna*; 2) использование производных от новолатинского слова *fauna*, называющего совокупность животных, обитающих на какой-либо территории или акватории: фауноним, фауническая лексика, *faunizm, frazeologia fauniczna, metafora fauniczna*; 3) использование латинского термина *animal* и производных от него: анимализм, анималистическая фразеология, анималистический компонент, *animal, animalizm, frazeologia animalistyczna, frazeologia z komponentem animalistycznym*; 4) использование русского слова *животное*, польского слова *zwierze*: название/ наименование животного, компонент-животное, животный компонент, *nazwa zwierzęcia, frazeologia zwierzęca, metaforyka odzwierzęca* и т. д. Они могут использоваться синонимично, так и разграничиваться в зависимости от функций (см., напр., Багана, 2011, 87–88), трактоваться широко (например, зооним охватывает наименования животных, частей тела животного, слова, образованные от названий животных, предметы, имеющие отношение к животным) или узко (наименования

неотъемлемых частей. По утверждению М.А. Грачева, в аргю «удельный вес подобных слов [...] намного выше, чем в других системах [...] языка» (Грачев, 2005, 177). Поскольку аргю характеризуется отрицательной экспрессией, а анимализмы играют «роль одного из самых экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской» (Скляревская, 1993, 90). Нижегородский ученый ссылается на Д.С. Лихачева, который в работе *Черты первобытного примитивизма воровской речи* в 1935 г. подчеркивал, что для криминального жаргона характерна тенденция «одухотворить, вернее анимализировать некоторые материальные предметы» (Лихачев, 1935, 80). Зоонимические лексемы в криминальном русском и в польском аргю используются для наименования предметов, объектов, которые образуют следующие семантические группы: 1) предметы быта (*быки* – *byki* ‘кусочки холодного вареного мяса’); 2) объекты кражи, взлома (*медведь*, *медвежонок* – *niedźwiedź* ‘несгораемый шкаф’); 3) инструменты и предметы, используемые для совершения преступления: (*выдра* – *wudra* ‘лом, отмычка для замков’) (Лихачев, 1935, 80–81; Грачев, 2005, 177–178; Stępniaк, 1993). Стереотипная анималистическая метафора используется в воровском жаргоне и в отношении людей. «Данная черта сближает речь воров с охотничьим аргю» (Лихачев, 1935, 81). Выделяются семантические группы: 1) жертва преступления (*коник* ‘жертва кражи’); 2) представители закона, люди, ловящие преступников (т.е. все те, которые являются «врагами» преступного мира, – полицейские, следователи, прокуроры, судьи, охранники тюрем и т. д.), *пес* – *pies/ piesek* ‘оперативный сотрудник полиции, следователь’. По данным В.В. Химики, в специальных словарях насчитывается «более 130 жаргонных номинаций, обозначающих ‘милиционера, сотрудника уголовного розыска’ с экспрессией негативного отчуждения, среди которых и номинации, построенные на соотношении субъекта с образом животного (напр., отвратительный – *гад*, *жаба*, жестокий – *коришун*, *пес*, ничтожный – *таракан*)» (Химик, 2000, 97); 3) названия «специализаций» преступной профессии и их помощников, сообщников (*конек* ‘1) мошенник, 2) специализация шулера’, *коник* ‘1) вор-карманник, 2) ученик вора’). Еще одно явление, которое сближает преступное аргю с охотничьим, – это использование одного названия животного вместо другого (напр., в польском охотничьем аргю ‘*sarna*’ – это *koza*, ‘*zajac*’ – *kot*, ‘*głuszc*’ – *kogut*, а в русском: *волк* ‘лошадь’, *рак* ‘бык’, *дракон* ‘собака’, *бекас* ‘клоп’) (Грачев, 2005, 180).

животных в прямом значении) (Яблонская, 2015). Мы в настоящей работе используем термины *зооним* и *анимализм* синонимично и взаимозаменяемо, и подразумеваем под ними: собственное имя (кликка) животного, перенаименование животного; название животного и производные от него, переносы названия животного, проецируемые на человека, предметы, положение, ситуации, действия, а также слова, которые омонимичны к названиям представителей мира животных (ср. пол. *wudra* от *wudrac* ‘выхватить’). Фразеологизмы, в состав которых входит анимализм или зооним, называем анималистическими.

Анимализмы входят в качестве компонентов и во фразеологические единицы. Это одна из самых многочисленных и разнообразных групп фразеологического фонда как польского, так и русского языков. Субстандартная часть (а точнее обороты, относящиеся к преступному жаргону) этого фонда, выбранная нами из лексикографических трудов (Трахтенберг, 2002; Козловский, 1997; Мокиенко, Никитина, 2000; Грачев, 2003; Estreicher, 1903; Kurka, 1907; Ludwikowski, Walczak, 1922; Stepiak, 1993), насчитывает ок. 500 польских и русских жаргонных единиц. Такое количество можно назвать небольшим по сравнению с количеством анималистических фразеологизмов литературного и разговорного языков. Думается, что причиной такого положения является специфика рассматриваемого подязыка, который охватывает узкие интересы и потребности группы, он консервативен и герметичен, номинации в большинстве своем рациональны, на некоторые из них накладывается табу. Криминимы, по замечанию В.В. Химика, близки к профессиональным терминам. Они могут восприниматься как номинативы, поэтому они не включаются некоторыми лексикографами, сторонниками узкой трактовки фразеологии в жаргонные словари с пометой *фразеологизм*. Отсюда мы не имеем полного представления о фразеологической картине преступного мира. Считаем, что в лексикографировании жаргона важна полнота описания, поэтому сомнения об образности-безобразности, экспрессивности-неэкспрессивности должны решаться скорее в пользу первой части этих оппозиций. Прежде всего это может касаться таких оборотов как *козья ножка* – *kozia nóżka* ‘гвоздодер’, *гусиная лапка* – *gęsia łapka* ‘инструмент для взлома несгораемых касс’, в которых терминологичность находится в тесной связи с соответствующей метафорой, т.е. оборот является образным. Вопрос экспрессивности остается открытым, но есть предпосылки (эквиваленты в польском и русском жаргоне) к тому, чтобы их не считать полностью нейтральными номинациями терминологического характера.

«Фразеологи давно уже втянуты в орбиту исследования и словарного описания анимализмов» (Мокиенко, 2019, 16). Экскурс в историю лексикографирования анималистического фразеологического материала делает Е.М. Маклакова в статье *Фразеологические словари с названиями животных (лексикографический обзор)* (Маклакова, 2013). Используя опыт лексикографов, мы анализируем и распределяем собранный материал по ключевому компоненту-зоониму. Такой способ, как представляется, позволяет показать количественное и качественное место образов животного мира в польской и русской жаргонной фразеологии, помогает найти эквиваленты в изучаемых жаргонах. В свою очередь, такой анализ не может не идти в паре с идеографированием жаргонного материала. Отметим, что идеографические жаргонные словари – это лакунарная зона субстандартной лексикографии.

Переходя к нашему материалу, следует сказать, что и русские, и польские жаргонные ФЕ с компонентом-анимализмом отражают картину мира

преступника. Через использование зоонима говорящий не только реализует тайную информативную функцию сообщения, но и устанавливает контакт со «своими», распознает «своего» и «чужого», а также во многом использует устойчивые формулы для выражения отношения к элементам окружающей действительности.

Итак, в состав польских и русских фразеологизмов преступного жаргона входят следующие компоненты-зоонимы:

ДОМАШНИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ³

PIES (SUKA, SZPIC, SKIEŁA, LEGAWY, SOBACZKA): *dziak szpic* ‘надзиратель за дверьми’, *suczy departament* ‘суд’, *skiele morowy* ‘Ты умный?! (ты в своем уме?)’, *pies czerwony* ‘1) оперативный сотрудник полиции, 2) сотрудник тайных служб, 3) разведчик, 4) полицейский’, *robota na sobaczke* ‘усыпить и обокрасть жертву’, *legawy kuka* ‘полицейский говорит’;

СОБАКА (БУЛЬДОГ, КОБЕЛЬ, ЛЕГАВЫЙ, МОПС, ПЕС, СУКА): *оперативный кобель* ‘служебно-розыскная собака’, *бесплатный пес* ‘член ДНД, оперотряда’, *псов на лапу клеить* ‘сделать зависимыми представителей противоправных органов, дав им взятку’, *легавка щенячья* ‘инспекция по делам несовершеннолетних; детская комната милиции’, *гад легавый* ‘1) старый надзиратель, 2) милиционер, 3) осведомитель’ (*легавый* – сотрудник правоохранительных органов, *гад* – 1) от нем. Gat, Gatte ‘подручный палача’, *гад* ‘пресмыкающееся животное: для преступников тот, кто ползает («опускается»), вызывает отвращение, презрение’, *брать на собаку/ брать на мопса* ‘усыплять жертву’, *спустить собачку* ‘сломать замок’, *усыпить на собачку* ‘усыпить чем-л. жертву (*собачка* (арг.) ‘наркотическое вещество’), *сука в перьях* ‘сыщик, милиционер’ (*перья* (арг.) ‘погоны’), *война сучья* ‘борьба между уголовниками, соблюдающими воровской закон, с теми, кто изменил ему’, *сделать бульдога* ‘ударить кого-л. в лицо’ и др.

Pies/ собака – это зооним, который описан неоднократно в работах лингвистов, фольклористов, культурологов (см.: Мокиенко, 2001; Mokienko, Walter, Valodzina, 2004).

Во фразеологии собака предстает прежде всего как низкое, презренное животное, жизнь которого не представляет никакой ценности. [...] Многочисленные негативные коннотации, приписываемые собаке во фразеологии,

³ Данная группа приводится для создания общей картины анималистического мира в преступном жаргоне и мы по техническим причинам ограничиваемся лишь некоторыми примерами.

во многом объясняются мифологическими представлениями, связанными с этим домашним животным. Как отмечает Е.К. Николаева, анализировавшая устойчивые сравнения польского языка, «в древней картине мира собаки занимали крайне низкое положение и причислялись к нечистым существам, к тому же в народном сознании они часто отождествлялись с дьявольскими силами» (Николаева, 1996, 97; цит. по: Бирих, 2019, 176).

Об анимализме *pies* писал Я. Скавинский, что когда-то *pies* использовался в качестве наиболее уничижительного оскорбления. *Niewierne psy* – так называли магометане христиан, которые в свою очередь одаривали прозвищем *psy* мусульман. «Еще в XIII в. было зафиксировано в Польше оскорбление *psiołowiec* (*canium caput*), которое было брошено одним из архиепископов в адрес немецкого проповедника» (Skawiński, 1999, 147).

В преступном жаргоне *pies/ собака* появляется чаще других анимализмов и служит для презрительного, пренебрежительного, оскорбительного перенаименования стражей порядка и связанных с ними лиц. То есть, традиционное негативное восприятие данного животного, как воплощение зла, в жаргоне лишь подчеркивается, а перенаименованный объект связывается с миром, враждебным преступнику. Другие компоненты, такие как *пес*, *легавый*, *сука* и т.д. образуются по аналогии с *pies/ собака* ‘работник правоохранительных органов’. «Собаки выслеживают преступника, кроме того, обозначения собак нередко являются эвфемизмами дьявола. Несомненно, на формирование у лексики преступного мира *сука* повлияло и общенародное – бранное ‘негодная женщина, особенно наущница, сплетница’ (Даль, 2, 358)» (Грачев, Мокиенко, 2000, 159) (напр.: *сучить гурту* ‘доносить полицейскому’, *сучья порода* ‘предатели, сыщики, тюремная администрация, судебные власти’, *сучья свадьба* ‘тюремный праздник, отмечаемый администрацией в память основания тюрьмы’, *сучья будка*, *сучий куток* ‘камера, в которой сидят предатели преступников’; см.: Грачев, Мокиенко, 2000, 158–159). *Собаками*, *псами* называются «неверные», т.е. те, кто изменил законам преступного мира. Использование анимализма при оценке другого человека подчеркивает превосходство говорящего. В субстандарте употребление анимальных инвектив – явление частое, потому что его носители стремятся в поведении, в том числе речевом, к выходу за рамки норм этикета, права, проявляют агрессию к «худшим». Как считает З. Кемпф, во всех европейских языках отмечается отражение мысли человека о своем превосходстве над животными и, соответственно, в отношении объектов, которые считаются «худшими», «низшими», используется анималистическая метафора (см.: Kempf, 1985, 125). *Pies/ собака* является самым уничижительным, оскорбительным, очерняющим названием как в польском (ср. данные: Reisert, 2004, 95), так и в русском языках. Кроме этого во фразеологизмах используются названия пород собак: *legawy/ легавый*, *лягавый* (русская лексема по сведениям М. Фасмера и Н.М. Шанского имеет польское происхождение), *шпиц*,

мопс, благодаря чему говорящий конкретизирует особенности объекта (прежде всего, учитывается внешний вид животного). В русском арго компоненты *кобель* и *пес* служат исключительно для усиления негативной и пренебрежительной характеристики человека за счет дополнительной коннотации у данных единиц – «похотливый, блудливый, напористый человек» (Воробьева, 2019, 193). В польском жаргоне в качестве компонента фразеологизма отмечена лексема *skiel* ‘собака’, которая восходит к русской арготической – *скил* ‘собака’ (подробнее см.: Рациґа, 2020, 95).

Анимализм также используется в отношении предметов, которые важны в преступном промысле. Это названия объектов кражи (напр., *серебряная собачка*), инструментов, использующихся при краже (напр., *работа на собачку*⁴, *взять на собачку*, *усыпить на собачку* [*собачка (собака)* ‘наркотическое вещество’ от *собака (арг.)* ‘яд, отрава’]; (см.: Грачев, 2003, 853). Польское [*robota*] *na sobaczkę* – из русского языка (см.: Stępniaк, 1993, 518). Метафорический перенос (*собачка* ‘замок’) осуществляется на основе схожести поведения животного и его использования людьми и функции предмета – стеречь дом, жилище, имущество, охранять его, защищать).

КОТ: *kota popędzić/ pognać* ‘вспугнуть вора во время кражи’, *jechać na kota* ‘симулировать психическое заболевание’;

КОТ/ КОШКА: *идти на kota* ‘обкрадывать клиента проститутки; ограбить жертву с помощью соучастницы’; *блатная кошка/ ветошная кошка* ‘проститутка – сообщница грабителя’ и др.

Между русскими и польскими оборотами наблюдаем отличие, в польском, во-первых, анималистический компонент – это название самца. Оно используется для переименования вора (по схожести поведения с повадками кота: неслышно двигаться, забираться в недоступные места), для уточняющего определения свойства предмета (зд. светиться в темноте – *koci ślip (ślip* – (арг.) ‘глаз’)), как указание на психическое заболевание – сумасшедствие, безумие, или на недостаток ума – глупость (ср.: (пазг.) *dostać kota, mieć kota*). Последнее не является характерным только для преступного жаргона, оно уходит корнями в давнее представление о животном без памяти и «с тупой головой» (*koci łeb*) (Kopaliński, 1990, 165). Обороты, указывающие на «присутствие кота в голове» у глупого, сумасшедшего человека, отмечены XVI в. в словаре *Nowa Księga Przysłów ...* (НКРР, II, 167). В русском преступном

⁴ Конструкция *делать/ совершать* на что-л. характерна для русского преступного аргю (*брать на душец, на машинку, на вздержку, на бас, на горло, на оттяжку, на понт* и др. – см., напр.: Грачев, Мокиенко, 2008, 217) и сравнима с жаргоном охотников и рыбаков – *брать на* + название приманки (*брать на мотыля/ червя* и др., однако *работать/ красть на ...* В польском – эта модель идентична, напр., *kraść na gut morgen, zrobić na mur, zrobić na stój*, а также *robota na duś, na blachę, na bombę, na chama, na głuch, na kite, na klawisz, na klej, na koszyk, na maszynkę, na mokro* и др. – см., напр.: Stępniaк, 1993, 479).

жаргоне *кот* – это клиент проститутки и потенциальная жертва преступления. В отличие от польского в русском языке во фразеологизмах используется чаще компонент *кошка* со значением ‘проститутка’, в польском *kocica* (*kotycha, kucicha*)/ *kotka* не встречается в устойчивых словосочетаниях, но значения ‘1) любовница, сожительница, хозяйка воровского притона (см.: К., 25; LW, 39; St., 240), 2) проститутка, брошенная сутенером, любовником (LW, 40), 3) секретарь (секретарша) (St., 240)’ зафиксированы. Предполагаем, что данное явление связано и тем, что в несубстандартной фразеологии компоненты *kotka/kocica* не вступают во фразеологические связи. Обозначение анимализмом привлекательной, но распущенной в сексуальном отношении девушки/ женщины фиксируется с XVI в. (Komorowska, Szlachta, 2021, 220). *Кошачий* – 1) определение небольшого, недолгого, непостоянного (возможно здесь сравнение с манерами поведения *кошки/кота*), 2) относящийся к женщине, ее присутствию.

KOZA (KOZI): *kozi bok* ‘комплект ключей’, *kozia nóżka* ‘специальная свинцовая пластинка, которая с помощью проволоки вставляется в замок для того, чтобы его открыть’, *być kozłowym* ‘напиться пьяным’;

КОЗЕЛ: *сделать козлом кого* ‘1) распустить слух о связях кого-л. с милицией, 2) совершить насильственный акт мужеложества с кем-л.’, *тюремный козел* ‘тюремная игра со спичечным коробком’.

Противоположная ситуация той, которая сложилась со словами *кот* и *кошка* (хотя и по схеме схожая), наблюдается с компонентами *koza* – *козел*. Анимализмом в польском языке определяется предмет (его часть) по схожести с частью тела животного, а также в другом обороте прилагательное *kozłowy*, напоминающее русскую фамилию, которая образована от слова *козел* – анимализма, использующегося в русском языке как пейоративное наименование мужчины, мужа с целью подчеркнуть его глупость, непрактичность, безрассудность, безответственность. Однако в преступном мире *козел* – это серьезное оскорбление, за которое в тюрьме могут даже убить, если оно используется не по отношению к соответствующему лицу, несправедливо, безосновательно. *Козлами* называют людей низшей преступной касты (сравнимо с *ссученный*). Такое использование отражает существующие представления, закрепленные в сознании носителей и языке – ср.: *козел* – похотливое животное, греховное, приносимое в жертву (библейский фразеологизм *козел отпущения*). В русском языке, в отличие от польского и других европейских языков, *козлом* называют домино (ср.: *забивать козла* ‘играть в домино’). Однако анимализм появился в результате «ошибки» вместо *козен*, *козен* ‘название костяшек, суставов животного (как бабка), которые использовались для игры в бабки’. Выражение используется для определения игры в домино после ее появления и распространения на Руси (Мокиенко, 1999, 126).

KROWA: *krowa głodna* ‘кухня’; *krowę rozpruć* ‘обокрасть кооператив’, *krowa na lańcuchu* ‘женщина-судья’, *krowę doić* ‘курить трубку’;

КОРОВА (КОРОВКА): *сливки от бешеной коровы* ‘водка’, *молочко (молоко) от бешеной коровки* ‘самогон’.

В жаргоне о *krowie/ корове* говорится как о животном, дающем человеку пропитание, о животном несвободном, в русском – *корова/ коровка* – компонент, отражающий традиционное, стереотипное представление о том, что корова дает молоко, причем во фразеологизмах он не является носителем основного значения и может быть заменен на название иного бешеного существа, а в польском фразеологизме – иное млекопитающее. Обращает на себя внимание единица *krowę rozpruć*, которая является трансформацией воровского оборота *rozpruć niedźwiedzia*, в котором *niedźwiedź* ‘сейф’. По аналогии сравнения *большой, сильный* – ‘с деньгами/ с богатством’. *Krowa*, как и многие из анимализмов, употребляется при уничижительной, пренебрежительной оценке человека, в данном случае женщины со стороны ее внешних качеств (большие размеры, неуклюжесть), что также отмечается и в разговорном языке.

ВУК: *byka dać* ‘ударять головой’, *byk boży* ‘ксендз’, *stado byków* ‘группа учащихся’;

БЫК (БЫЧОК, собир. БЫЧЬЕ): *бык голый* ‘туз (игральная карта)’, *быков гонять* ‘играть в кости, играть в карты, в кости на кусочки мяса’, *бык рогатый* ‘1) глупый человек, 2) преступник, исполняющий приказания авторитетного уголовного, 3) охранник авторитетного уголовного, 4) уголовник, собирающий дань с киосков частных предпринимателей, 5) бездушный человек, 6) человек, приносящий зло другим людям, 7) наемный убийца’, *бычок маменькин* ‘1) молодой человек, имеющий половые контакты с матерью, 2) молодой человек, осуществляющий за плату половые контакты с богатыми женщинами, 3) любовник богатой, но старой женщины, 4) несовершеннолетний пассивный гомосексуалист’, *бычье рогатое* ‘группа быков (*бык* (*arg.*) – преступник, выполняющий поручения авторитетного уголовного)’, *бычий выдел* ‘1) осужденный, изъявивший желание работать, 2) осужденный добровольно работающий на производстве (*бык* – осужденный, хорошо работающий в ИТУ, пол. *wydział* – отдел)’ и др.

Вук в польском жаргоне используется для названия удара, который схож с «техникой» его выполнения, подобной на удар рогами разъяренного быка. Данный перенос не отмечен в русском языке, хотя близка к нему лексема *быковать* ‘вести себя агрессивно, противостоять кому-л.’. Остальные приведенные примеры показывают сходство в образной структуре фразеологизмов, в которых *бук/ бык* служит для представления сильного, крупного (молодого) человека, однако порой безвольного, наивного, глупого, легко ведомого, что соотносится и с тем, что мы наблюдаем на примере литературного языка, напр. поговорка – *Здоров как бык, да не знает, как быть*.

С компонентом *wól* в польском преступном аргю фразеологизмов не зафиксировано. Вероятно, одной из причин является количественная разница единиц в источниках, и как следствие – в описываемом материале.

ВОЛ: *вола водить (насти, крутить)* ‘1) обманывать, рассказывать небылицы, лгать на допросе, 2) запутывать, дезориентировать кого-л.’, *вола волить* ‘говорить вздор, пустословить’. Русские жаргонные фразеологизмы являются, по нашему предположению, трансформацией европейской единицы – *водить за нос*. «Метафора связана со способом управлять животными (быками, лошадьми и т.п.), которых водят при помощи кольца, продетого в ноздри» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 478).

BARAN: *baran boży* ‘ксендз’, *barany rzucać* ‘показывать свое превосходство над кем-л.’;

БАРАН: *серый баран* ‘участковый инспектор’, *цагайский баран* ‘представитель какой-л. из дагестанских народностей’.

Баран является олицетворением глупости, тупости, «безумности», и в узуальном использовании считается эвфемизмом глупца, дурака, дебила, идиота и т.д. В приведенных же оборотах использование анимализма по отношению к человеку не указывает на качество, свойственное этому животному, а лишь подчеркивает негативное, уничижительное, презрительное отношение к нему. Пренебрежительная характеристика создается за счет применения структурно-семантической трансформации литературного оборота (*baran boży* от *baranek boży*), производящей эффект неожиданной словесной игры в результате столкновения высокого и низкого, положительного и отрицательного (*серый баран* – серый кардинал).

В жаргоне также фиксируется метонимический перенос, строящийся на соотношении породы овец, баранов, разводимой в южных регионах, а также пищи, употребляемой представителями южной национальности (*цагайский баран*). Думается, что оборот отражает также субъективное негативное отношение к дагестанцам, создаваемое за счет использования анимализма, имеющего в русском языке отрицательные коннотации (см.: Мокиенко, Никитина, 2007). В обороте *barany rzucać* – вероятно, трансформации оборота *rzucać mięset* ‘ругаться, выражать свое превосходство за счет словесной агрессии, проявляющейся в использовании, в частности, вульгаризмов и бранных слов’.

KOŃ (KONIK)/ SZKAPA/ OGIER: *robić konika* ‘побег помощника вора с добычей’, *na konia* ‘кража на пляжах’, *koń więzienny* ‘нелегальная тюремная почта’, *śmigać w konia, latać (lecieć) w konia, latać sobie w konia, gonienie konia, rżnięcie konia, konia bić, trzepać konia, na koń, rąbać konia na postoju, śmigać konika, zapierdalać sobie w szkapę* ‘заниматься онанизмом, в т.ч. в группе’, *ogier boży* ‘1) ксендз, 2) человек, сочувствующий жертве и мешающий преступнику ее обокрасть’;

КОНЬ/ ЛОШАДЬ/ КОБЫЛА: *бросать коня* ‘протягивать веревку между окнами камер с целью передачи записок или предметов’, *искать кобылу* [у татарина, у цыган] ‘заниматься бесполезным делом’, *серая лошадь* ‘1) заключенный, занятый на тяжелых физических работах, 2) рабочий; крестьянин’, *оседлать коня* ‘1) украсть мотоцикл или велосипед, 2) совершить половой акт’.

Конь и *лошадь* – это сильное, выносливое, быстрое хозяйственное животное, помогающее людям в транспортировке, езде верхом, пахоте. На жаргонных примерах видим, что выполняемые функции и качества животного легли в основу сравнения предметов и людей с конем, лошадью: веревка для передачи писем в тюрьме, выносливость – заключенный, выполняющий тяжелую работу, скорость и доставка – вор, доставляющий товар и др. Олицетворение отмечается и в обороте *zaprowadzić konia do stajni*, где *koń* – ‘нож’. В русском преступном аргоне *конь* также ‘ложка’. *Кони* как ‘ноги’ и ‘обувь’ пришло по данным этимологического словаря русской фразеологии (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 334) из финского *kenka* ‘башмак’, и с анимализмом его связывает лишь фонетическая близость. Анимализм *koń/ конь* используется как эвфемизм вульгаризма, называющего мужской половой орган. Способ эвфемизации названия табуизированного объекта, каким является пенис, фалос и т.д. с помощью названия животного явление, известное во многих языках и культурах: *карасик* (итал.), *голова черепахи* (китайс.), *змея* (змея) (англ.), *петушок* (русск.), *птичка* (польск.), *голубь* (испан.) и др. В польском и русском жаргоне такое употребление имеет давнюю историю. Как указывает А. Домбровская, автор словаря польских эвфемизмов, *koń/ konik* в значении ‘мужской половой орган’ встречается в старопольских и народных текстах. *Конь* в них – символ мужской потенции (Dąbrowska, 1998). В словаре символов написано, что *koń* – это сильное сексуальное влечение, сексуальная сила (Kopaliński, 1990, 160). В «сексуальном» значении *koń/ конь* активно используется в жаргонно-разговорной фразеологии, польское преступное аргонное использует его, но не добавляет ничего к образу, поэтому характерной чертой этого варианта языка назвать нельзя. В русском преступном аргоне подобные единицы (*напоить коня*, *оседлать коня* ‘совершить половой акт’) также зафиксированы. В отличие от польского в русском аргоне ряд фразеологизмов короче. Вызвано это особенностями восприятия коня в русском языке и культуре. В.В. Химик пишет, что за конем закрепилось больше положительных коннотаций (в отличие от лошади) и позитивная экспрессия, слово *конь* (в отличие от *лошади*) служит для стилистического повышения (Химик, 2014, 72).

OSIOŁ/ MUŁ: *muł do kwadratu*, *muł pasiasty* ‘глупый человек, дурак’, *ośla ląka* ‘место, где клиенты выбирают проститутку’;

ŚWINIA: *świnia poszczuć* ‘испугать’, *świnia różowa* ‘толстяк’ и др.

Русские арготические фразеологизмы с компонентом *осел, мул, свинья* не были отмечены в источниках, из которых мы выбирали материал. Отдельные лексемы используются и имеют следующие значения: *свинья* ‘1) женщина-судья, 2) народный судья, 3) уборщик в камере, 4) деградировавший, презираемый и унижаемый всеми заключенный’. *Осел* ‘лошадь’, *мул* – специально подготовленный агент, проглатывающий пакетики-контейнеры с наркотиком для перевоза через границу.

Обращаясь к польскому материалу, во фразеологических оборотах преступного жаргона видим отражение традиционных стереотипных, негативных представлений об осле, муле (*osioł (mul)*) – воплощение глупости, необразованности, похоти, сладострастия и разврата, а о свинье (*świnia*) – жирности, толстоты (отсутствие хорошей фигуры), нечистоплотности, неморальности, непорядочности, пустоты, высокомерия, подлости, злости, бесчестности и др. (см.: Kopalinski, 1990, 290, 420). Характерным для преступного жаргона является использование названия животного для переименования предмета и обозначения его качества, которое важно для преступников и их окружения (*świnia* ‘аккордеон’, *świński* ‘нелегальный’).

ДОМАШНИЕ ПТИЦЫ

KOGUT: *kogut czerwony* ‘поджог’, *puścić <czerwonego> koguta/ puścić kogusika* ‘поджечь’ (ср. русск.: *пустить красного петуха*);

ПЕТУХ: *объявленный петух* ‘разоблаченный пассивный гомосексуалист’, *старший петух* ‘неформальный лидер в бригаде, состоящей из презираемых заключенных – пассивных гомосексуалистов’, *дать (давать) петуха кому* ‘протянуть руку кому-л. для рукопожатия’, *сел петух на хату* ‘1) о поджоге, 2) об установленном за квартирой наблюдении’, *петуху хвост (хвоста) крутить (вертеть)* ‘совершать кражи в общественном транспорте’, *стая петушиная* ‘группа «петухов» (заключенные, над которыми совершили насильственный половой акт, тем самым поставив на низшую ступень криминальной лестницы)’, *петушиный угол* – ‘проход в секции или бараке, в котором живут опущенные’, *петушиная групповуха* – ‘коллективное изнасилование заключенного’, *петушиная участь* – ‘судьба и статус изнасилованного заключенного’, *петушиный процесс* – ‘судебное разбирательство над обвиняемым по ст. 121 УК РСФСР от 1961 г. (мужеложество)’, *поштопать петуха* – ‘совершить акт мужеложества’.

Польский оборот о петухе на крыше со значением ‘поджога’ зафиксирован в словаре *Nowa Księga Przysłów...*, где его употребление отмечается концом XIX в. В польскую блатную музыку его записали авторы словарей,

вероятно, руководствуясь ассоциацией, исходящей из семантики единицы, а именно: поджог → запретное, нелегальное, противоправное действие → совершается преступниками → действие не называется напрямую, значит нелегальное скрывается, т.е. становится тайным → относится к арго преступников. В русском и других славянских языках, а также балтийских и германских зафиксирован схожий фразеологический оборот. Большинство исследователей возводят его к «древней языческой символике огня и культу богов-громовержцев» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2005, 530).

Петух в русском арго – это представитель низшей касты заключенных, которому в польском соответствует *swel* (есть предположение, что восходит к немецкому Schwelle ‘шпала’ или Schwule ‘гомосексуалист’), но, как видно, польская и русская лексемы не имеют общих корней. На вопрос, почему в русском жаргоне был выбран петух для обозначения «опущенного», ответа нет. Есть предположение, что 1) оно возникло по ассоциативному ряду петух – петух от слова ‘петь’ – (*жарг*). петь ‘доносить’ – петух – тот, кто доносит – петух – кто-то чужой, враг, представитель низшего, и соответственно презираемого «сословия»; 2) на формирование значения повлияло англ. сленговое *cock* ‘мужской половой орган’; 3) лексема образовалась от арготического *петушить* ‘насиловать’; 4) от еврейского обряда жертвоприношения капарот (сбрасывают на птицу свои грехи, а потом ее убивают) (Кучинский, 2018).

Петух – это также переименование руки, по нашему мнению, по фонетическому сходству с жаргонно-разговорным *пять, пятерня* ‘рука, ладонь’, которое выступает в обороте ‘поздороваться за руку’ – *дать пять*.

KURA: *kurza łapa* ‘вор, крадущий домашнюю птицу’;

КУРИЦА (КВОЧКА): *курица/ квочка с цыплятами* ‘пистолет с патронами’.

В польском обороте притяжательное прилагательное указывает на специализацию преступника и вид преступления (ср.: *kurarz ‘złodziej drobni’*). В русском арго фразеологизм построен по образной модели «взрослый с ребенком, детенышем» (ср.: *масленок с маслятами, опенок с опятами, поросенок с поросятами*) (Грачев, 2003, 467).

GEŚ: *gęsia łapka* ‘инструмент для вскрытия сейфов, лом с выгнутым концом’;

ГУСЬ: *пощупать гуся* ‘1) собрать сведения о намеченной для ограбления жертве, 2) проверить ощупыванием наличие денег в карманах у жертвы’, *три гуся* ‘1) условный сигнал воров, означающий, что кража совершена удачно, 2) 222 статья уголовного кодекса (незаконный оборот оружия)’, *гусь оторвался у кого* ‘о психическом заболевании, когда все окружающее воспринимается как нереальное’, *гонять (гнать) гусей* ‘1) притворяться глупым, прикидываться дураком, 2) изображать неведающего, прикидывать-

ся непонимающим, 3) обманывать, лгать, выкручиваться, 4) симулировать психическое заболевание, сумасшествие’.

В польском обороте анимализм используется для описания особенностей внешнего вида предмета, используемого преступниками, в отличие от *kurza łapka*, где прилагательное указывает на объект – цель направленного действия – кражи. Перенос с животного, его части на предмет по внешнему сходству явление устойчивое в польском языке, не только в уголовном, напр., *żabka* ‘французский ключ’, *kozia nóżka* ‘гвоздодер’, *koziolatek* ‘кóзлы’, *kozibok* (угол.) ‘отмычка для взлома барабанного замка’, *jaskółka* (угол.) ‘отмычка’, *szpikowany zajęc* (устар.) ‘приспособления для пыток’, *język* (угол.) ‘булавка, иголка’, *piesek* (угол.) ‘наркотическое средство, усыпляющее жертву, своего рода «инструмент» кражи’, *rak* (угол.) ‘клещи’, *śledź* (угол.) ‘нож, сабля’. Интересно, что и новые устройства, которые в настоящее время появляются на рынке, получают «звериные» имена, напр., пилы *Tiger*, *Panther*, *Cat*, *Puma*.

В русском жаргоне *гусь* реализуется в переносном значении как ‘наивный, глупый человек, иногда жертва преступления’, которое, по нашему мнению, сформировалось под влиянием более ранних их контаминации: 1) *гусь* – ‘пройдоха’ и 2) *гусь* – ‘мужской половой член’. Кроме того, в жаргоне наблюдается также активность ассоциативной модели: пренебрежительно и уничижительно глупый или наивный, чужой (не свой) человек, враг (напр., полицейский), богатый человек (потенциальная жертва) = мужской половой член (в том числе, эвфемистические вульгарные и бранные названия).

Сравнение знаков и цифр (используемых в качестве тайной символики или кодов, напр., в переписке или сообщении, передаваемой скрыто, нелегально, засекречено) с формой тела и движениями животного отмечено во фразеологизме *три гуся*. Такие сигналы разрабатывались в течение долгого времени, и они схожи с теми, которые передаются на расстояния в условиях ограниченной слышимости (ср. сигналы опасности).

В преступном польском и русском жаргонах не обошлось и без диких млекопитающих.

ДИКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

SZCZUR: *na szczura* ‘кража из подвалов’, *szczur lokalowy* ‘вор, осуществляющий кражи в ресторанах’, *szczurza robota* ‘кража в гостиницах’, *szczurze detale* ‘вещи, украденные в гостиницах’ (в оборотах используется характерная черта животного – обитать в жилищах людей (главным образом, в местах хранения продовольственных запасов – подвалах, наносить ущерб, грызая запасы продуктов, предметы мебели и одежды);

КРЫСА: *банда крыс* ‘владельцы и работники частных ларьков’, *белая крыса* ‘врач, медицинский работник, берущий взятки’. В русском языке за подлыми, жадными, подхалимными людьми закрепилось название *крыса*. Крыса имеет в разных культурах различную символику, но в польской и русской – она отрицательная, т.е. олицетворяет зло, демона, черта, дьявола, враждебность, насилие, разрушение, измену, доносительство, проблемы, кражу, болезнь, заразу, опустошение, смерть.

JEŹYK: *na jeżyka* ‘карманная кража, для осуществления которой орудием служит игла или булавка’ (в обороте использован внешний облик зверька, а точнее его характерная черта – иголки, которыми он пользуется как инструментом для перенесения предметов);

ЕЖИК: *ежиков пасти* ‘бездельничать’ (образовано по ассоциативной модели: делать что-то реально невозможное, нелогичное или бесполезное, ср. курить бамбук, бананы катать, изюм косить, бить масло).

KRET: *kret pod górką* ‘вор, специализирующийся на кражах из подвалов’, *na kreta* ‘взлом помещения через отверстие в полу’;

КРОТ: *земляной крот* ‘крестьянин, колхозник’ (и в польском, и в русском обороте используется образ животного, живущего внизу, под чем-то (землей) и выходящего на поверхность из норы, туннеля, сделав небольшое отверстие).

NIEDŹWIEDŹ: *rozpruć niedźwiedzia* ‘взломать сейф’ (возможно, на основе метафорического переноса по внешнему сходству – большой, тяжелый, ценный [для охотника]);

МЕДВЕДЬ: *подогрев медвежий* ‘гашиш, употребляемый осужденными в лесных ИТУ’. В русском преступном аргументе функционирует заимствованное из польского – *медведь* ‘сейф’, *медвежатник* ‘вор, специализирующийся на взломе сейфов’, однако в данном случае используется прилагательное-анимализм, который называет место происхождения объекта (лес), место, в котором также обитает медведь.

JELEŃ: *na jelenia* ‘разбойное нападение; обкрадывание пьяных людей в общественных местах’, *robić jelenia* ‘обкрадывать жертву’;

ОЛЕНЬ: *олень с развесистыми рогами* ‘наивный, неопытный человек, не принадлежащий к преступному миру’, *фаршированный олень* ‘наивный интеллигент’, *ехать на оленях* ‘тюремная игра, унижающая достоинство человека, используется для шуточного, презрительного или уничижительного определения простака, наивного человека, глупца, дурака’. При этом в русском языке значение анимализма имеет неявную историю: с одной стороны, оно может быть связано с оборотом *рогат как олень* ‘о муже, которому из-

менила жена’, с другой стороны – заимствовано из польского – *robić kogoś w jelenia, brać kogoś na jelenia* ‘издеваться над кем-либо, делать из кого-то дурака’ (см.: Николаева, 2019, 78–83).

WILK: *na białe wilki* ‘в Сибирь (на поселение)’;

ВОЛК: *волк (волчара) позорный* ‘работник правоохранительных органов’, *волчье солнышко* ‘1) лампочка в камере, 2) месяц (из народной речи по мотивировке: источник света для тех, кто активен ночью [хищных зверей, воров, бродяг и т.п.] [Грачев, Мокиенко, 2000, 154–155]).

HIENA: *hiena nocna* ‘вор, крадущий по ночам’ (сравнение с образом жизни гиены; гиена имеет негативный образ и символизирует ночные грабежи).

LIS: *lisa na dach puścić* ‘совершить поджог’ (трансф. фразеологического оборота *koguta czerwonego puścić*, замена компонентного состава происходит на основе сравнения яркого [красного, оранжевого] цвета животных [их хвоста] с огнем [языками пламени]).

MAŁPA: *małpi gaj* ‘1) квартира проституток, 2) дисциплинарное наказание’, *małpi kit* ‘рис, каша’, *małpu oswojone* ‘полиция’. Обезьяна в польской литературе и культуре (напр., во фразеологизмах Я. Кохановского) – символ греховности, духовного падения, разврата, хитрости, жадности. Негативный образ используется и в преступном аргю.

WYDRA: [*zrobić*] (*na*) *wydrę* ‘1) кража вещей путем вырывания их из рук жертвы, 2) кража вещей, которые попались на глаза и быстрый побег, 3) взлом автомобиля, в котором нет противоугонных средств, 4) кража в магазине, для совершения которой используется помощник, отвлекающий внимание обслуживающего персонала от вора’ (лексема, воспринимаемая как анимализм, является омоформой к арготизму *wydra*, образованному от глагола *wydrzeć – wydzierać* ‘вырвать, выдрать – вырывать, выдирать’). В русском воровском аргю *выдра* ‘1) веревка, 2) вор, проникающий в помещение путем вскрытия дверных замков, 3) отмычка, 4) ключ для отпираания замка’.

ZAJĄC: *dać zająca, dawać zająca, puścić w zająca, zrobić zająca* ‘убежать’ (сравнение по доминантной характеристике – быстрота бега).

BARC: *железный барс* ‘активный гомосексуалист’ (предположительно, от англ. *gay bars* ‘бары для геев’), *черный барс* – ‘кавказский боевик, вооруженный автоматическим оружием’ (метонимический перенос на человека с названия охотничьих карабинов [барс], предназначенных для охоты на среднего зверя).

МЫШЬ: *кинуть мышь* ‘обворовать пьяного’, *ловить мышей* ‘1) быть расторопным (сравнение с поведением кота), 2) обворовывать пьяных’ (в арго *мышь* ‘пьяный человек’) Представляется, есть несколько путей, по которым *мышью* стал пьяный человек: 1) от оборота *мокрая мышь*, заимствованного из польского – *tokry jak mysz* ← *spocić się jak mysz w połogu* ‘вспотевший, намокший человек’, а пьяный человек также часто потеет и выглядит также жалко, как мышь, облитая водой, или как испугавшаяся мышь, шерсть которой слиплась; 2) от польского *myszką trąci* ‘что-л. плохо пахнущее, старое’, известно, что запах пьяного человека не относится к приятным, не вызывает восхищения. В польском *mysz* ‘вор, крадущих из гостиниц’, *myszka* ‘вор, крадущий малоценные вещи’, *myszką* ‘квартирная кража с проникновением в помещение через потайные ходы’, *myszkarz* ‘вор, крадущий из подвалов’, *myszkowanie* ‘кража из подвала в гостинице’. Такой перенос названия исполнителя преступления на жертву – характерная черта преступного жаргона.

ЛЕВ (ЛЬВЕНОК): *львенка поймать* ‘обокрасть богатого’ (*лев* иносказательно ‘модный щеголь, отличающийся внешними успехами в большем свете’, как во французском и английском языках [см.: Михельсон, 1896–1912]). Использование деминутива показывает уничижительное отношение к жертве вора.

СЛОН (СЛОНИХА, СЛОНИК): *слониха со слонятами* ‘стол со скамейками в камере’ (по внешней схожести). Запустить *слоника* – ‘совершить с кем-л. половой акт оральным способом, украв при этом что-л. из кармана партнера (действия проститутки)’. *Слоник* – ‘мужской половой орган’ (по модели: мужской половой орган – орган животного [хобот] – животное, характерным признаком которого является этот орган и для чего он служит этому животному [слон]). Деминутив (*слоник*) указывает на небольшой размер животного (инструмента), что является характерной чертой воровского жаргона.

ХОРЕК (ХОРИЦА): *искать хорька (хорицу)* ‘подыскивать полового партнера’ (от арг. *хорь* – *цыган. kar, ker* ‘мужской половой член’, *хар* ‘дыра, дырка’ [Грачев, 2003, 999]).

ДИКИЕ ПТИЦЫ

DZIĘCIOŁ: *nadziany dzięcioł* ‘состоятельный человек, объект (жертва) преступления’.

МЕВА: *biała mewa* ‘несовершеннолетняя проститутка’.

РАПУГА: *rapuga w bajer leci* ‘адвокат произносит речь’, *rapuga ze skowurem* ‘охранник с собакой’, *rapuga trzaska dziobem, występ papugi, rapuzia gadka* ‘речь представителя защиты в суде’, *główny papuga* ‘председатель суда’, *na rapugę* ‘карманная кража, которая совершается с помощью приема отвлечения внимания жертвы разговорами, играми, шутками’.

PELIKAN: *starać się na pelikanie* ‘1) заниматься сексом, 2) заниматься проституцией’, *zabawa z pelikanem* ‘групповая сексуальная оргия’.

STRUŚ: *w strusia uderzyć* ‘убегать’.

ŻURAW: *żurawia zapuścić* ‘запустить руку в чужой карман, посмотреть в чужой карман’.

БАКЛАН: *баклан породистый* ‘человек, осужденный за злостное хулиганство’, *баклан хавирный* ‘хулиган, осужденный за квартирный дебош’, *уцепить баклана* ‘усмирить хулигана в зоне ИТК’. По мнению М.А. Грачева и В.М. Мокиенко (2000, 32), слово *баклан* в жаргон вошло из территориальных диалектов, где *баклан* (сиб.) ‘чурбан, чурка, обрубок бревна’, (влд., нижегор.) ‘1) большая голова, 2) человек с большой головой’.

БЕКАС: *охотиться за бекасами (на бекасов)* ‘сбирать окурки’.

ВОРОБЕЙ (ВОРОБУШЕК): *воробья спугнуть* – сломать, сорвать замок, *сшибать воробьев* – взламывать замки, *наловить воробушков* – добыть много денег.

ВОРОН: *черный ворон* ‘автомашина, специально оборудованная для перевозки заключенных’.

ГОЛУБЬ: *спугнуть голубей* ‘совершить кражу белья, вывешенного для просушки’.

ЛАСТОЧКА: *связать (связывать) ласточкой кого* ‘привязать руки за спиной жертвы к ногам’, *сделать ласточку кому* ‘1) надеть на кого-л. смирительную рубашку, 2) выбросить жертву в окно’.

СОВА: *сова ментовская* ‘старушка-общественница, помощница участкового инспектора’.

ФАЗАН: *тянуть фазана* – ‘лгать, не исполнять обещаний’, *фазана протянуть* ‘продать похищенную вещь, а затем отнять ее’.

После выделения компонентов-анимализмов во фразеологизмах и распределению их на группы отчетливо видно разнообразие животного мира, представленное через призму жаргонной фразеологии. Отмечаются сходства и различия между русской и польской частью субстандарта. Расхождение можно объяснить несколькими причинами:

1. Объем польских и русских лексикографических работ, представляющих преступно-уголовный жаргон, не одинаков.

2. Не все словосочетания с анимализмом заносятся в словари, а если они и были включены, то не помещены в словарях как фразеологические обороты. Это вытекает из различной трактовки фразеологии (ее объема) и фразеологического неологизма.

3. Сказываются различия в характере и особенностях закрепления в языке и культуре стереотипных образов животных (различия в концептосфере, символикe, образах, закрепленных в фольклоре, литературе, изобразительном искусстве, кино).

4. Несхожие реалии как вне, так и внутри преступной жизни.

5. Различная фонетическая и грамматическая материя языков и, соответственно, отличный друг от друга выбор единиц для перефразирования, трансформации.

Сходства объясняются:

– общностью древних представлений о мире у поляков и русских, картинами мира преступников, в частности;

– родственностью польского и русского языков;

– общими, закрепленными в сознании носителей схемами и моделями, по которым строятся единицы внутри характерных для этого варианта языка тем;

– близкими контактами представителей преступного мира друг с другом;

– взаимными заимствованиями лексических и фразеологических единиц, синтаксических структур.

В заключение можно представить, как выглядит польский и русский жаргонный «зоопарк».

	польский преступный жаргон	русский преступный жаргон
I. Преступник	pies, kot, kura, wilk, hiena	кошка, козел, бычок, лошадь, крот, баклан
II. Жертва преступления	osioł, muł, świnia, jeleni, dzięcioł	кот, бык, баран, петух, гусь, крыса, олень, барс, львенок, хорек, мышь
III. Объект преступления	krowa, niedźwiedz, pelikan	медведь, воробей

	польский преступный жаргон	русский преступный жаргон
IV. Инструмент для совершения преступления	pies, koza, koń, świnia, gęś, kret, jeżyk, jelen, wydra	собака, собачка, мопс, конь, курица, мышь, барс
V. В описаниях действий преступников	baran, kogut, zając, struś, żuraw	вол, кобыла, ежик, ласточка
VI. Представители правоохранительных органов	pies, legawy, szpic, skiela, rapuga, pajak	собака, кобель, легавая, пес, сука, бык, крыса, волк (волчара), сова
*Другое	kot, kozłowy, krowa, byk, ogier, koń, lis	собака, щенок, корова, баран, кони, кобыла, гусь, слон, слонята, бекас

Дальнейшие исследования в этой области фразеологии и жаргонологии позволят полнее представить этимологию субстандартных единиц, уточнить сходства и различия, что поможет детальнее их описать в словаре польско-русского жаргона.

СОКРАЩЕНИЯ

- NKPP – Krzyżanowski, J. (red.) (1969–1978). *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich*. T. 1–4. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- K. – Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- LW. – Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”*. *Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- St. – Stępnia, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.

- арг. – арготическое
 влд. – вологодское
 испан. – испанское
 итал. – итальянское
 китайс. – китайское
 нижегор. – нижегородское
 польск. – польское
 разг. – разговорное
 русск. – русское
 сиб. – сибирское
 угол. – уголовное арго
 устар. – устаревшее
 цыган. – цыганское

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багана, Ж. (2011). *Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках)*, Научные ведомости БелГУ, Серия: Гуманитарные науки, 24 (119), 84–94.
- Бирях, А. (2019). *Анималистическая фразеология в русском языке XVIII в. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты (175–183)*, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Бирях, А.К., Мокиенко, В.М., Степанова Л.И. (2005). *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва: ООО Издательство «Астрель».
- Бондалетов, В.Д. (1987). *Социальная лингвистика*. Москва: Издательство «Просвещение».
- Воробьева, Л.Б. (2019). *Устойчивые сравнения с компонентом собака в русском и литовском языках. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты (191–194)*, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Грачев, М.А. (2003). *Словарь тысячелетнего русского арго*. Москва: РИПОЛ КЛАССИК.
- Грачев, М.А. (2005). *От Ваньки Каина до мафии. Прошлое и настоящее уголовного жаргона*. Санкт-Петербург: «Авалон», «Азбука-классика».
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2000). *Историко-этимологический словарь воровского жаргона*. Москва: ООО «Фолно-Пресс».
- Грачев, М.А., Мокиенко, В.М. (2008). *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*. Москва: «АСТ-ПРЕСС».
- Козловский, В. (1983). *Собрание русских воровских словарей в четырех томах*. Т. 1–4. New York: Chalidze.
- Лихачев, Д.С. (1935). *Черты первобытного примитивизма воровской речи. В: Язык и мышление*. Т. III–IV (354–398). Москва–Ленинград: Издательство АН СССР.
- Маклакова, Е.М. (2013). *Фразеологические словари с названиями животных (лексикографический обзор)*. В: *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3 (21), II, 121–123, <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/32.html>, доступ: 15.12.2021.
- Михельсон, М.И. (1896–1912). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Т. 1–2. *Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний)*. Санкт-Петербург, <https://gufo.me/dict/mikhelson>, доступ: 21.10.2021.
- Мокиенко, В.М. (1996). *Экспрессивность фразеологических единиц. В: Проблемы фразеологической семантики (39–68)*, Г.А. Лилич. (отв. ред.). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Мокиенко, В.М. (2019). *Анималистическая фразеология в русской народной речи. В: Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты (15–30)*, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: «Норинт».
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2007). *Большой словарь русских поговорок*. Москва: «Норинт».
- Николаева, Е.К. (2019). *Свитер с оленями (о зооинвективах)*. В: *Анималистическая фразеология в славянских языках. Лингвистические и лингвокультурологические аспекты (78–83)*, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко (отв. ред.). Грайфсвальд–Санкт-Петербург: Universität Greifswald.

- Скляревская Г.Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: «Наука».
- Трахтенберг, В.Ф. (2002). *Блатная музыка. («Жаргон» тюрьмы). Под редакцией и с предисловием Профессора И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. Юридическое книжное издательство «Право». Санкт-Петербург 1908*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik.
- Химик, В.В. (2000). *Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Химик, В.В. (2014). *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: «Норинт».
- Яблонская, О.Г. (2015). *Анализ фразеологических единиц с компонентом зоонимом в современном русском языке*, Вестник МДПУ імя І.П. Шамякіна. Філалагічныя навукі, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-zoonimom-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>, доступ: 8.05.2022.
- Dąbrowska, A. (1998). *Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy toczno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: PWN.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków: E.Wende i Spółka; Nakł. Księgarni D.E. Friedleina.
- Kempf, Z. (1985). *Wyrazy „gorsze” dotyczące zwierząt*, Język Polski, LXV, 125–144.
- Komorowska, E., Szlachta, A. (2021). *Frazeologizmy i przysłowia z komponentem kot w języku polskim*. В: *Životinje u frazeološkom ruhu: zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Animalistički frazemi u slavenskim jezicima održanog 21. i 22. III. 2014. na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu*, Ivana Vidović Bolt (red.), http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Komorowska_Szlachta%20za%20WEB.pdf, доступ: 6.05.2022.
- Kopaliński, W. (1990). *Słownik symboli*. Warszawa: Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Żargon mowy przestępców „Blatna muzyka”. Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej*. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- Milewski, S. (1971). *Gwara przestępcza i jej przenikanie do języka ogólnego*, Poradnik Językowy, 2, 92–101.
- Pacula, J. (2020). *Nie tylko pies – o kilku animalistycznych nazwach funkcjonariuszy służb więziennych w historii polskiego socjolektu przestępczego*, Jazykovedný časopis, 71, 1, 91–108.
- Peisert, M. (2004). *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Rak, M. (2007). *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Świątorzyskich i Podatrze*. Kraków: Scriptum.
- Skawiński, J. (1999). *Zwierzęta w kulturze i języku – na materiale polskim i niemieckim*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dra hab. Jana Franciszka Miodka. Uniwersytet Wrocławski.
- Stępnia, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.

***

Bagana, Zh. (2011). *Faunonimicheskaya leksika v sisteme yazyka i ee natsional'no-kul'turnaya spetsifika (na materiale leksicheskikh edinit «loshad'», «kon'», «svin'ya» v russkom, angliiskom i nemetskom yazykakh)*, Nauchnye vedomosti BelGU, Seriya: Gumanitarnye nauki, 24 (119), 84–94.

- Birikh, A. (2019). *Animalisticheskaya frazeologiya v russkom yazyke XVIII v. V: Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty (175–183)*, Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissfal'd – St. Petersburg: Universităt Greifswald.
- Birikh, A.K., Mokienko, V.M., Stepanova, L.I. (2005). *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow: OOO Izdatel'stvo «Astrel'».
- Bondaletov, V.D. (1987). *Sotsial'naya lingvistika*. Moscow: Izdatel'stvo «Prosveshchenie».
- Dąbrowska, A. (1998). *Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie*. Warszawa: PWN.
- Estreicher, K. (1903). *Szwargot więzienny*. Kraków: E. Wende i Spółka; Nakł. Księgarni D.E. Friedleina.
- Grachev, M.A. (2003). *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo*. Moscow: RIPOL KLASSIK.
- Grachev, M.A. (2005). *Ot Van'ki Kaina do mafii. Proshloe i nastoyashchee ugolovnoho zhargona*. St. Petersburg: «Avalon», «Azбуka-klassika».
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2000). *Istoriko-etimologicheskii slovar' vorovskogo zhargona*. Moscow: OOO «Folio-Press».
- Grachev, M.A., Mokienko, V.M. (2008). *Russkii zhargon. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. Moscow: «AST-PRESS».
- Kempf, Z. (1985). *Wyrazy „gorsze” dotyczące zwierząt*, Język Polski, LXV, 125–144.
- Khimik, V.V. (2000). *Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyi fenomen*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Khimik, V.V. (2014). *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*. St. Petersburg: «Norint».
- Komorowska, E., Szlachta, A. (2021). *Frazeologizmy i przysłowia z komponentem kot w języku polskim*. In: *Životinje u frazeološkom ruhu: zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa Animalistički frazemi u slavenskim jezicima održanog 21. i 22. III. 2014. na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu*, Ivana Vidović Bolt (ed.), http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Komorowska_Szlachta%20za%20WEB.pdf, accessed: 6.05.2022, <https://doi.org/10.17234/9789531755139.15>.
- Kopaliński, W. (1990). *Słownik symboli*. Warszawa: Wydawnictwo „Wiedza Powszechna”.
- Kozlovskii, V. (1983). *Sobranie russkikh vorovskikh slovari v chetyrekh tomakh*. T. 1–4. New York: Chalidze.
- Kurka, A. (1907). *Słownik mowy złodziejskiej*. Lwów: Nakładem Autora. Druk Artura Goldmana Lwów.
- Likhachev, D.S. (1935). *Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoi rechi*. V: *Yazyk i myshlenie*. T. III–IV (354–398). Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ludwikowski, W., Walczak, H. (1922). *Žargon mowy przestępców „Blatna muzyka”*. Ogólny zbiór słów gwary złodziejskiej. Warszawa: Druk R. Szrajber.
- Maklakova, E.M. (2013). *Frazeologicheskie slovari s nazvaniyami zhivotnykh (leksikograficheskii obzor)*. V: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (21), II, 121–123, <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/32.html>, accessed: 15.12.2021.
- Mikhel'son, M.I. (1896–1912). *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. T. 1–2. *Khodyachie i metkie slova. Sbornik russkikh i inostrannykh tsitat, poslovits, pogovorok, poslovichnykh vyrazhenii i otdel'nykh slov (inoskazanii)*. St. Petersburg, <https://gufo.me/dict/mikhelson>, accessed: 21.10.2021.
- Milewski, S. (1971). *Gwara przestępcza i jej przenikanie do języka ogólnego*, Poradnik Językowy, 2, 92–101.
- Mokienko, V.M. (1996). *Ekspressivnost' frazeologicheskikh edinits*. V: *Problemy frazeologicheskoi semantiki (39–68)*, G.A. Lilich. (otv. red.). St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Mokienko, V.M. (2019). *Animalisticheskaya frazeologiya v russkoi narodnoi rechi*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (15–30), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd–St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St. Petersburg: «Norint».
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007). *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok*. Moscow: «Norint».
- Nikolaeva, E.K. (2019). *Sviter s olenyami (o zoonivktivakh)*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (78–83), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd–St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Pacula, J. (2020), *Nie tylko pies – o kilku animalistycznych nazwach funkcjonariuszy służb więziennych w historii polskiego socjolektu przestępczego*, Jazykovedný časopis, 71, 1, 91–108, <https://doi.org/10.2478/jazcas-2020-0013>.
- Peisert, M. (2004). *Formy i funkcje agresji werbalnej. Próba typologii*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Rak, M. (2007). *Jezykowo-kulturowy obraz zwierzat utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Świątorzyskich i Podatrza*. Kraków: Scriptum.
- Skawiński, J. (1999). *Zwierzęta w kulturze i języku – na materiale polskim i niemieckim*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem prof. dra hab. Jana Franciszka Miodka. Uniwersytet Wrocławski.
- Sklyarevskaya G.N. (1993). *Metafora v sisteme yazyka*. St. Petersburg: «Nauka».
- Stępiak, K. (1993). *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. Londyn: Wydawnictwo Puls.
- Trakhtenberg, V.F. (2002). *Blatnaya muzyka. («Zhargon» tyur'my)*. Pod redaktsiei i s predislovieim Professora I.A. Boduen-de-Kurtene. Yuridicheskoe knizhnoe izdatel'stvo «Pravo». St. Petersburg 1908. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik.
- Vorob'eva, L.B. (2019). *Ustoichivye sravneniya s komponentom sobaka v russkom i litovskom yazykakh*. V: *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskikh yazykakh. Lingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (191–194), Kh. Val'ter, V.M. Mokienko (otv. red.). Graissval'd–St. Petersburg: Universität Greifswald.
- Yablonskaya, O.G. (2015). *Analiz frazeologicheskikh edinits s komponentom zoonimom v sovremennom russkom yazyke*, Vestnik MDPU imya I.P. Shamyakina. Filalagichnyya navuki, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-frazeologicheskikh-edinits-s-komponentom-zoonimom-v-sovremennom-russkom-yazyke/viewer>, accessed: 8.05.2022.

